УДК 82.091+821.161.1

ТИПОЛОГИЯ СНОВИДЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОЗЕ А.БЕЛОГО И Ч.АЙТМАТОВА: ОТ СИМВОЛА К МИФУ

Искандарова Эльмира Рахматжоновна

магистрант Азиатского международного университета

eiskandarova256@gmail.com

Аннотация. *В статье предложена типология сновидческих образов в романах А.Белого «Петербург» и «Котик Летаев», в повестях Ч.Айтматова «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и в его романе «Плаха». Цель работы состоит в описании механизма, по которому онейрический образ переходит от символического значения к мифологическому. Материал рассмотрен средствами сравнительно-типологического, мотивного и мифопоэтического анализа с опорой на семиотику сна Ю.М.Лотмана и концепцию неомифологического текста З.Г.Минц. Выделено пять типов сновидческого образа (распад, вторжение, метаморфоза, заклинание, космогония). Установлено, что у Белого сон служит лабораторией индивидуального мифа, рождающегося из распада символа, тогда как у Айтматова сон возвращает героя в родовой миф и придает этому возврату этический смысл.*

Ключевые слова. *сновидение, онейрический образ, символ, миф, неомифологизм, А.Белый, Ч.Айтматов, типология, сравнительное литературоведение.*

ВВЕДЕНИЕ

Сновидение в прозе XX века перестает служить только предсказанием или психологической мотивировкой поступка. Оно становится особой формой художественного мышления, позволяющей тексту выйти за пределы эмпирической реальности без утраты правдоподобия. По этой причине онейрический эпизод оказался востребован как символистским романом, так и прозой мифологического реализма второй половины столетия.

Ю.М.Лотман, рассматривая сон как «семиотическое окно» культуры, называл его «семиотическим зеркалом», в котором каждый видит отражение собственного языка [6, с. 125]. Многоязычие сна делает его удобной точкой сравнения писателей, разделенных эпохой, языковой средой и культурной традицией.

Сопоставление А.Белого с Ч.Айтматовым на первый взгляд выглядит неожиданным. Белый строил прозу на философии символа, Айтматов пришел к мифу через киргизский эпос и устную традицию. Между тем оба писателя систематически используют сон как переход из исторического времени во время мифа. З.Г.Минц отмечает, что русский символизм сформировал концепцию пути искусства «от символа к мифу», восходящую к Вяч. Иванову [8, с. 76]. Отсюда вытекает исследовательский вопрос. Проходит ли тот же путь онейрический образ в прозе, генетически с символизмом не связанной?

Сны «Петербурга» неоднократно рассматривались в связи с двоемирием романа. М.Баньянин показала, что кошмары Дудкина, явление перса Шишнарфнэ и визит Медного всадника складываются в единую систему фантомов, порожденных сознанием героев [10]. Д.А.Нечаенко включил символистские сновидения в общую историю русской литературной онейросферы [9]. Применительно к Айтматову С.Ж.Кенжебаева описала сон Органа в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» как главное фантастическое пространство текста [4, с. 344-345], а А.А. Кудряшова обосновала взгляд на мифопоэтику как на стилевую доминанту писателя [5]. Сравнительной типологии, соединяющей символистский сон со сном мифологического реализма, в литературоведении пока не предложено.

Цель статьи заключается в построении типологии сновидческих образов в прозе А.Белого и Ч.Айтматова и в описании механизма, по которому онейрический образ движется от символа к мифу. Для ее достижения решались четыре задачи. Требовалось определить критерии выделения онейрического эпизода, классифицировать сновидческие образы,

соотнести полученные типы с полюсами символа и мифа, наконец, объяснить расхождения писателей в контексте неомифологизма и мифологического реализма.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом послужили романы А.Белого «Петербург» (редакция 1916 года по академическому изданию [3]) и «Котик Летаев» [2], а также повести Ч.Айтматова «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» и роман «Плаха» [1]. В каждом из названных текстов сон выполняет сюжетообразующую функцию и не сводится к эпизодической детали. Для контраста привлекалась легенда о манкурте из романа «И дольше века длится день».

Единицей анализа выступает онейрический эпизод, то есть фрагмент, в котором повествование переходит в модус сна, бреда, видения или грезы. Эпизод выделялся по двум признакам. Лексический признак составляют маркеры «сон», «снилось», «бред», «чудилось», «привиделось». Композиционный признак проявляется в том, что текст фиксирует вход героя в измененное состояние сознания и выход из него. Каждый эпизод описывался по четырем параметрам. Учитывались субъект сна (индивидуальный или родовой), источник образности (культурный код или фольклорно-мифологическая традиция), сюжетная функция образа и его положение на оси «символ/миф».

Символ и миф разграничены в рабочем порядке. Символом считается образ, который указывает на невыразимую сущность, сохраняет незавершенность смысла и замкнут на индивидуальное сознание. Мифом признается сюжет, объясняющий происхождение и порядок мира и разделяемый коллективом. Символисты, по наблюдению З.Г.Минц, сближали оба понятия вплоть до тезиса, согласно которому сам «мир есть миф», то есть «творимая легенда» [8, с. 78]. Методологическую основу составили сравнительно-типологический метод, мотивный анализ, мифопоэтический подход в версии Е.М.Мелетинского [7] и З.Г.Минц [8], а

также семиотическая концепция сна Ю.М.Лотмана [6].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сопоставительный анализ позволил выделить пять типов сновидческого образа. Их состав и распределение по текстам представлены в таблице 1.

Тип I (распад) представлен только у Белого. Сон в «Петербурге» лишен устойчивой границы с явью, поэтому онейрический образ возникает внутри бодрствующего сознания и не требует засыпания героя. В письме Р.В.Иванову-Разумнику (декабрь 1913 года) писатель признавался, что «весь роман мой изображает в символах места и времени подсознательную жизнь искалеченных мысленных форм» [3, с. 516]. Кошмары Александра Ивановича Дудкина реализуют эту установку буквально. Персиянин Шишнарфнэ, посещающий героя, вырастает из бессмысленного слова «енфраншиш», прочитанного наоборот [10]. Фантом рождается из звука, утратившего значение. Образ указывает уже не на высшую реальность, а на пустоту, поэтому символ теряет референт.

Таблица 1. Типы сновидческих образов в прозе А.Белого и Ч.Айтматова

Тип образа	Механизм	А.Белый	Ч.Айтматов	Полюс
I. Распад	Образ теряет референт, распадаясь на звук и фантом	Кошмары Дудкина, перс Шишнарфнэ («Петербург»)	Нет соответствия	Символ

II. Вторжение	Мифологический персонаж входит в историческое время	Медный всадник в мансарде Дудкина («Петербург»)	Видение Пилата и Иисуса в беспамятстве Авдия («Плаха»)	Переход к мифу
III. Метаморфоза	Тело героя меняет природу	«Пепп Пеппович Пепп» детского бреда, слитый с бомбой («Петербург»)	Греза мальчика о превращении в рыбу («Белый пароход»)	Середина оси
IV. Заклинание	Сон воспроизводит ритуальную мольбу	Нет соответствия	Рогатая мать-олениха несет бешик тетке Бекей («Белый пароход»)	Миф
V. Космогония	Сон воссоздает рождение сознания или рода	«Мифы ужасной праматери» («Котик Летаев»)	Рыба-женщина в снах Органа, Утка Лувр («Пегий пес, бегущий краем моря»)	Миф

Тип II (вторжение) объединяет обоих писателей. В «Петербурге» Медный всадник входит в мансарду Дудкина, называет героя сыном и превращает его в нового Евгения [10]. Пушкинский миф вторгается в современность как событие, имеющее последствия. Вскоре Дудкин убивает Липпанченко и застывает верхом на мертвом теле в позе Всадника.

Онейрический образ служит здесь кодом, через который смута 1905 года прочитывается в категориях петербургского мифа. У Айтматова аналогичную функцию выполняет видение Авдия Каллистратова в романе «Плаха». Выброшенный из поезда герой в беспамятстве становится свидетелем разговора Понтия Пилата с Иисусом. Евангельский сюжет превращается в матрицу судьбы самого Авдия, распятого в финале на саксауле. Различие писателей проявляется в направлении кода. У Белого миф обнажает безумие истории, у Айтматова он придает гибели героя жертвенный смысл.

Тип III (метаморфоза) также присутствует у обоих авторов, однако получает противоположную оценку. Николаю Аполлоновичу Аблеухову возвращается детский бред о разбухающем «Пеппе Пепповиче Пеппе». Этот образ сливается в его сознании с бомбой, спрятанной в сардиннице. Тело героя становится вместилищем взрыва, метаморфоза ведет к уничтожению. Мальчик в «Белом пароходе» мечтает превратиться в рыбу, доплыть до парохода и сказать отцу «Здравствуй, папа, я твой сын» [1, т. 2, с. 204]. Превращение задумано как возвращение к роду. Финал отменяет грезу тремя отрицаниями, обращенными к мальчику («не превратишься в рыбу», «не увидишь белый пароход», «не скажешь») [1, т. 2, с. 308].

Тип IV (заклинание) обнаружен только у Айтматова. Заболевший мальчик в полузабытьи слышит звон колокольчика. Ему чудится Рогатая мать-олениха, бегущая по горам с березовым бешиком на рогах для бездетной тетки Бекей. В другой грезе воз сена превращается в колыбель. Сон здесь не созерцается, а совершается как обряд. Он воспроизводит функцию прародительницы рода бугу, которая в легенде деда спасает последних детей племени со словами «Вымя мое переполнилось, просит детей!» [1, т. 2, с. 224]. У Белого подобный тип отсутствует. Символистский сон ни о чем не просит, он только обнаруживает. Герой Белого остается зрителем собственного бреда, герой Айтматова выступает участником ритуала.

Тип V (космогония) представлен у обоих писателей и образует мифологический полюс типологии. В «Котике Летаеве» младенческое сознание выделяется из хаоса. Белый описывает этот процесс словами «изрывалось сознание в мифах ужасной праматери; и потопы кипели» [2, с. 29]. Миф строится изнутри одного сознания и получает статус личной космогонии. В повести «Пегий пес, бегущий краем моря» старому Органу снится Рыба-женщина, прародительница рода. С.Ж.Кенжебаева показала, что этот сон соединяет миф о происхождении рода с эротической фантазией и возвращается к герою как постоянный спутник [4, с. 347-348]. Органу сон кажется реальнее яви, он дает ощущение свободы и бессмертия [4, с. 350]. Повесть обрамлена мифом об Утке Лувр, создавшей сушу в мире, где не было «ничего, кроме воды» [1, т. 2, с. 419]. В финале спасшийся Кириск сам дает имена стихиям, повторяя акт первотворения [4, с. 351-352].

Параметр границы сна дал дополнительное различие. У Белого вход в онейрическое состояние почти не маркирован, бред и явь перетекают друг в друга внутри одной фразы, поэтому читатель нередко не может установить момент засыпания героя. У Айтматова граница обозначена ясно и всегда мотивирована пограничным состоянием тела. Мальчик видит олениху в болезни, Авдий получает видение после падения с поезда, Органу снится Рыба-женщина в тумане, когда каяк потерял берег и смерть стала неизбежной [4, с. 348]. Сон у Айтматова наступает на пороге гибели или тяжелого испытания, что сближает его с обрядом перехода. У Белого порог переносится внутрь сознания и перестает совпадать с физическим состоянием героя.

Распределение типов по оси «символ/миф» показано на рисунке 1.

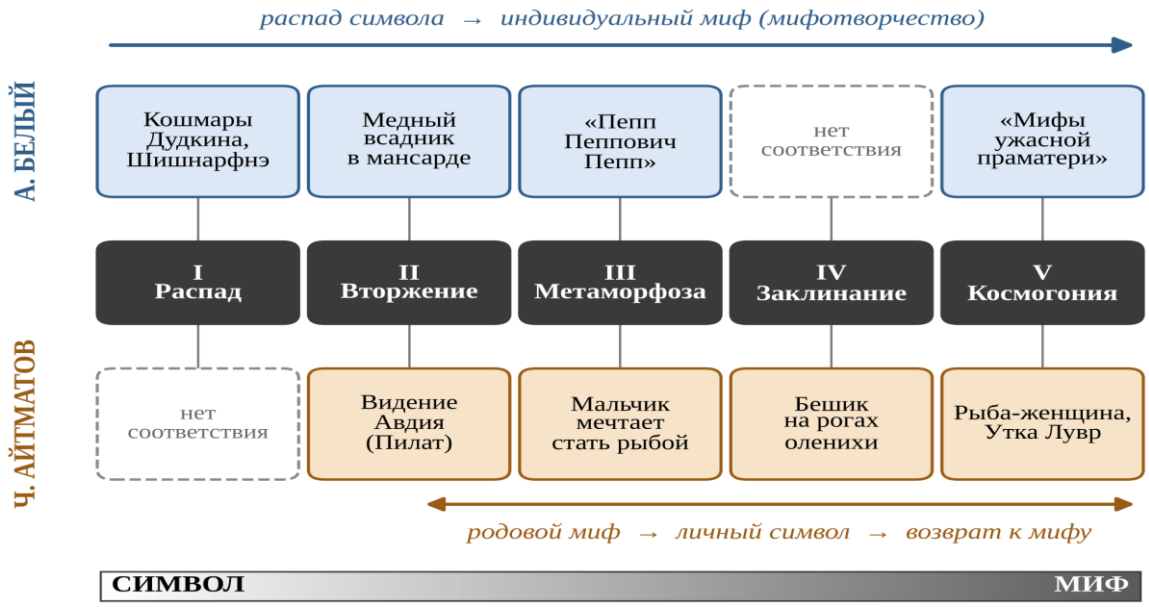

Рисунок 1. Распределение сновидческих образов А.Белого и Ч.Айтматова на оси «символ/миф»

Из пяти типов три являются общими (вторжение, метаморфоза, космогония). Распад специфичен для Белого и тяготеет к символическому полюсу. Заклинание встречается только у Айтматова и располагается у полюса мифа. Образы Белого смещены влево, к символу, тогда как образы Айтматова сосредоточены справа, в зоне мифа.

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученная типология показывает, что формула «от символа к мифу» применима к обоим писателям, хотя путь проходится с противоположной генетикой. Белый начинает с символа и приходит к мифу через его разрушение. Сон в «Петербурге» разлагает символ до звука и фантома, после чего из обломков культурных кодов (пушкинского, апокалиптического, восточного) складывается авторский миф о городе. З.Г.Минц рассматривает «неомифологизм» как культурный феномен эпохи [8, с. 77]. «Петербург» принадлежит к образцовым текстам этого типа. «Котик Летаев» доводит ту же логику до предела. Космогония разворачивается внутри индивидуального сознания, поэтому миф совпадает с автобиографией.

Айтматов движется в ином направлении. Миф у него предшествует

герою и хранится в памяти рода, в легенде деда или в предании нивхов. Сон не изобретает миф, а возвращает к нему, выполняя функцию припоминания. Символ появляется позднее как личная версия мифа (белый пароход, рыба, колыбель) и гибнет в момент профанации мифа, когда убивают маралуху. Поэтому траектория образа у Айтматова круговая и ведет от мифа через символ обратно к мифу, тогда как у Белого она восходящая и конструктивная. А.А.Кудряшова видит в мифопоэтике Айтматова стилевую доминанту [5]. Наш материал уточняет этот вывод. Именно онейрический эпизод служит главным каналом, по которому миф входит в повествование о современности.

Этическое измерение айтматовского сна проясняется при сопоставлении с легендой о манкурте. Манкурт «не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени» [1, т. 3, с. 131]. В предложенной типологии он представляет нулевую степень онейрического, человека без памяти и потому без родового сна. Мальчик из «Белого парохода» и старый Орган оказываются антиподами манкурта, поскольку их сны удерживают связь с прародителями. У Белого этический полюс такого рода отсутствует. Сон в «Петербурге» не выносит приговора, он диагностирует распад сознания эпохи.

Показательна общая для обоих писателей стихия, через которую сон соединяется с мифом. Это вода. В «Котике Летаеве» первые состояния сознания описаны как кипение потопов [2, с. 29]. В «Петербурге» из невских туманов приходят фантомы, в том числе Летучий Голландец в видении Николая Аполлоновича [10]. У Айтматова мальчик уходит в реку, чтобы стать рыбой, Орган видит Рыбу-женщину посреди моря, а сам мир повести рожден из первичной воды мифа об Утке Лувр [1, т. 2, с. 419]. Вода оказывается пространством до формы, где символ еще не отделился от мифа. Различие снова касается направления. У Белого вода растворяет форму и грозит хаосом, у Айтматова она хранит возможность нового рождения. Последний оставшийся в живых Кириск возвращается к берегу носителем

родовой памяти.

Наблюдение Ю.М.Лотмана о сне как зеркале, отражающем язык толкователя [6, с. 125], объясняет, почему сходные онейрические ситуации получают у писателей различное наполнение. Языком Белого служит философия культуры начала века с ее антропософскими и историософскими кодами. Языком Айтматова становится этническая память тюркских и палеоазиатских народов. Отсюда различие в субъекте сна. У Белого сон видит индивидуальное «я», у Айтматова через героя его видит род.

Ограничения исследования связаны с объемом корпуса и с опорой на русские тексты без учета киргизских версий айтматовской прозы. Перспективным представляется расширение материала за счет романа «Тавро Кассандры» и поздней прозы Белого. Разметка онейрических эпизодов в электронном корпусе позволит проверить предложенную типологию количественными методами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во-первых, сновидческие образы в прозе А.Белого и Ч.Айтматова образуют пять типов (распад, вторжение, метаморфоза, заклинание, космогония), которые упорядочиваются на оси от символа к мифу.

Во-вторых, три типа являются общими для обоих писателей. Распад характерен только для Белого, заклинание только для Айтматова.

В-третьих, у Белого сон выступает лабораторией индивидуального мифа, рождающегося из распада символа. У Айтматова сон работает как память рода, возвращает героя в коллективный миф и наделяет этот возврат этическим смыслом.

В-четвертых, формула «от символа к мифу» описывает в обоих случаях общий вектор с противоположной генетикой. Онейрический образ оказывается точкой схождения символистского неомифологизма и мифологического реализма, что открывает перспективу сопоставительного изучения русской и тюркоязычной прозы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айтматов Ч.Т. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1998.
2. Белый А. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М.: Республика, 1997. 541 с.
3. Белый А. Петербург: роман в восьми главах с прологом и эпилогом / изд. подгот. Л.К. Долгополов. М.: Наука, 1981. 696 с.
4. Кенжебаева С.Ж. Характер фантастического пространства в повести Ч.Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31, № 2. С. 344-353.
5. Кудряшова А.А. Мифопоэтика прозы Ч.Т.Айтматова: повести «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря», роман «И дольше века длится день» // Филологос. 2023. № 2 (57). С. 12-20.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
8. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А.А.Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III.Тарту, 1979. С. 76-120.
9. Нечаенко Д.А. История литературных сновидений XIX-XX вв. М.: Университетская книга, 2011. 783 с.
10. Banjanin M. Of Dreams, Phantoms, and Places: Andrey Bely's Petersburg // The International Fiction Review. 1983. Vol. 10, No. 2. P. 98-103.